

Т.А.Золотова, Н.И.Ефимова, А.А.Ситнова

Йошкар-Ола

Вербальное творчество молодежных сообществ в системе современной культуры

Пространство современной отечественной культуры может быть представлено в виде соприкасающихся систем, главными из которых обычно считают традиционную народную, массовую популярную и элитарную культуры [см., например: Химик, 2000], 240). К названным системам, находясь с ними в разной степени близости, примыкают «беллетристика, мидл-литература и литература постмодернизма, использующая язык массовой культуры» [Черняк, 2007, 407]. Исследователями современного литературного процесса отмечена любопытная и, по сути, парадоксальная закономерность в функционировании систем: «... народная культура и авторитетная элитарная культура отличаются известной социальной ограниченностью, в то время как промежуточная «третья» культура и обслуживающее ее просторечие оказываются массовыми и доступными» [Химик, 2000, 240]. Именно поэтому феномен массовой литературы привлекает к себе пристальное внимание ученых разных гуманитарных областей и профилей. К настоящему моменту уже сформулирован ряд положений о генезисе массовой литературы, путях ее развития, жанровых стратегиях и поэтике [подробно см. об этом: Черняк, 2007]. При этом в процессе определения ее сущностных свойств и качеств исследователи зачастую обращаются к фольклорной поэтике и эстетике. Связь массовой литературы с фольклором, как правило, усматривается на уровнях девальвации автора, различных форм проявления коллективного/бессознательного, наличия непобедимого героя, жесткой структуры, формульности, позитивного финала и т.п. Особого рода отношения между фольклором и массовой литературой возникают, по мнению ученых, на уровне воссоздания общественных нравов, картины жизни города, всего того, что сейчас обозначают термином «поэтика повседневности». В данном случае массовая культура рассматривается как «современный аналог фольклора, городского эпоса и мифа, ... герои действуют в узнаваемых социальных ситуациях и типовой обстановке, сталкиваясь с проблемами, близкими массовому читателю» [Черняк, 2007, 286]. Встречаются и попытки фактически уже прямого отождествления фольклора и массовой литературы. Так, в работе С.Зенкина массовая культура названа «новейшей индустриальной модификацией фольклора», отсюда, по мнению исследователя, и ее «клишированность, повторяемость элементов и структур» [Зенкин, 2003, 157].

Любопытный материал о характере соотношения в современной отечественной культуре опыта **элитарной, традиционной и массовой культуры и литературы** содержит молодежная культура.

Молодежные сообщества весьма демонстративно заявили о себе еще во второй половине XX века. Обращаясь к вопросам их становления и развития, ученые отмечали тот факт, что возникали они как попытка части молодежи заявить о своем неприятии ценностей общества потребления и навязываемой им культуры. Этот период характеризуется в исследовательской литературе как причудливое соединение и даже взаимопереплетение (симбиоз) молодежных субкультур и контркультуры (см. об этом подробно: Левикова 2004, 137-145). Однако постепенно приходит понимание того, что «тягаться с массовой культурой бесполезно и что малочисленных отщепенцев никто не слушает» (Левикова 2004, 98), начинается постепенное омассовление (термин Ортеги-и-Гассета) и субкультурной молодежи. Данные процессы нашли яркое воплощение в текстах представителей студенческого сообщества и популярных в России и Марий Эл молодежных субкультур толкинистов, ролевиков, поттеристов, музыкальных фанатов и некоторых других.

В многочисленных определениях понятия «молодежная субкультура» в качестве одного из основных его признаков названа «элитарность». С этих позиций творческий потенциал перечисленных молодежных объединений, конечно, не одинаков. Так, например, представители современного студенческого сообщества, в отличие от своих предшественников, в основной массе потребители различного рода информации. Вместе с тем в субкультурах поттеристов и особенно толкинистов субкультурно значимая деятельность (в том числе и вербальные тексты) становится основным критерием принадлежности молодого человека к данному типу объединений. А стремление к созданию уже не просто художественного произведения, а нового его качества («внезапное озарение») – доминанта творческой жизни музыкальных сообществ.

Можно говорить и о некоторых общих тенденциях в формировании целостного образа или картины мира участников молодежных объединений. Так, в зависимости от генератора субкультуры и присущими именно данной культуре средствами очерчивается так называемая «зона независимости» (феномен осознания участниками движения своей исключительности, отстраненности от внешнего мира). Большинство молодежных сообществ Республики Марий Эл, прибегают к никнеймам (сетевые, в том числе и социальные сетевые сообщества, например, *vkontakte.ru*, и др., поттеристы, толкинисты), особому языку (наряду с общим для всех молодежных субкультур сленгом, можно говорить о сетевом языке программистов, пародийных искусственных языках

толкинистов), особым жанрам фольклора («закрытые тексты» толкинистов). Кроме того, толкинисты и участники музыкальных сообществ большое значение придают атрибутике предметного мира и одежды, поттеристы создают свой «кодекс» «Синдром хронического гарриголизма и 100 его признаков», а музыканты используют и особый тип музыкального сопровождения и поведения.

С данной тенденцией связана и попытка создания собственного или «альтернативного» мира. Неприятие общественных установок и эстетических норм современного мира побуждает молодых людей, с одной стороны, к разным формам эпатажного самоутверждения, с другой – к поискам возможностей романтической компенсации действительности. Новая «реальность» поттеристов и толкинистов возникает на основе интерпретации и переосмысления сказочно-мифологического универсума произведений Роулинг и Толкина. Представители сетевых сообществ осваивают виртуальную реальность. «Иномирие» рок-музыкантов – ритуализированное пространство концерта. При этом степень погружения в условную реальность остается достаточно высокой. Об этом свидетельствуют, например, переживание «опыта потока» пользователями сети Интернет и созданные в виртуальном фольклоре особого типа персонажи, для которых глобальная сеть является единственно реальным жизненным локусом; в свою очередь солисты музыкальных групп творят реальность в процессе исполнения культовых песен.

Стремление придать этой действительности черты правдоподобия и одновременно осознание тщетности такого рода попыток вызвали к жизни огромное количество субкультурных произведений/текстов. В соответствии с этими тенденциями в каждой из субкультур представлены так называемые «серьезные» тексты. В них, как правило, и концентрируются семантические «узлы» картины мира, в том числе установка на исключительность молодежного субкультурного движения в целом. Особенно значительна в этом плане субкультура толкинистов. Разнообразные жанры серьезной прозы и поэзии сосредоточивают свое внимание на внутреннем мире субкультурной личности. Детально разрабатываются в них мотивы одиночества и отчуждения, пути и испытаний, грани, перелома и, наконец, обретения собственного «Я». О движении духа к высотам познания, мировой гармонии повествуют исповедальные, на грани эмоционального срыва композиции рок-музыкантов. В субкультуре поттеристов к серьезным произведениям можно отнести фанфики, также разрабатывающие универсальные мотивы испытания личности, столкновения с мифологическими и реальными противниками и др. Представления о собственной исключительности, относительной замкнутости коллектива обучающихся науке/наукам и приобщающихся к

тайнам будущей профессии остаются жизнеспособными и в студенческом сообществе («Они были *эрудиты потрясающие, настоящие историки. Они могли часами спорить о племенах, территориях заселения, о культурных традициях, кто кого сделал, где кто воевал, о формах наконечников стрел*»)[ЛААС]. При этом качество текстов, как показывает и настоящий пример, может быть различными: от образцов подлинной поэзии до весьма примитивных продуктов так называемой «наивной литературы».

Многообразны, хотя, как правило, и не осознаваемы представителями субкультурных сообществ, типы связи молодежной и традиционной (фольклорной) культуры. С известной осторожностью, но все же необходимо говорить о своеобразии проявления в процессе создания и функционирования произведений молодежной культуры таких признаков классического фольклора, как устность, традиционность, вариативность, синкретизм, тип соотношений индивидуально-авторского и коллективного начал, использования фольклорных способов трансляции текстов – от варьирования до пародии и др. При этом значимость того или иного признака классического фольклора с разной степенью интенсивности заявляет о себе в той или иной конкретной молодежной субкультуре.

Популярность произведений различных молодежных сообществ способствует широкому распространению их в пространстве глобальной сети. В связи с этим основные признаки традиционного фольклора подвергаются существенной корректировке. Текст, попадая на тематические сайты или форумы, становится частью виртуального сообщества и вместе с тем письменной культуры. В этом пространстве, например, один из основополагающих признаков фольклора – «устность»– превращается в «установку на «устность», диктуемую прагматическими соображениями удобства и быстроты коммуникации» [Рукомойникова 2004, с.24]. О совершенно новых формах выражения ее можно говорить на основе творчества поттеристов: так называемая «обратная связь» с создателями текстов «фанфиков» на протяжении длительного времени осуществлялась в сообществе благодаря специально разработанной системе «отзывов» и «рецензий».

В этом ключе представляется возможным говорить и о синкретизме текстов, создаваемых в молодежных сообществах. Синкретизм в традиционном фольклоре понимается как нерасчленение ряда художественных компонентов. Явление подобного плана наблюдается прежде всего в субкультурах музыкантов. Те, в буквальном смысле этого слова, «события», которые наблюдают зрители на рок-концертах, подходят под номинацию «перформанс» (от англ. *perform* – совершать, исполнять), что понимается как своеобразный спонтанный спектакль, представление. В то же время бытование текстов других сообществ в глобальной сети предоставляет и им возможности для реализации

синкретизма: текст может оформляться посредством создания красочного фона сайта/форума, иметь фото-, видео-, аудиовложения, речь рассказчика часто оформляется графически при помощи смайликов и нарочито используемых пунктуационных знаков. Существуют и оригинальные формы проявления данного феномена. В субкультуре поттеристов, например, авторы «фанфикшн» предлагают представить, дофантангазировать мелодию или картинку к своему тексту (так появляются особые жанровые разновидности – «аудиофики или «клипфики»); создавать произведения по цепочке (round robin), а также параметрам, заданным автором (challenge fic) и т.д.

Что касается категории традиционности в субкультурном творчестве, то она, с одной стороны, понимается как создание собственных традиций, с другой, как вполне определенная ориентация на фольклорные образцы. Так, многие произведения молодежной культуры в качестве вербального компонента содержат мощное коллективное ядро, чем объясняется повторяемость тем, структурных компонентов, устойчивость и популярность типичных персонажей, стереотипизированных речевых формул. Конкретные тексты могут быть известны ограниченному кругу лиц, объединенных по тому или иному признаку. Однако события, описываемые в них, отличаются значительной долей типичности, что позволяет людям, не включенным в сообщество, понимать и рассказывать забавные истории широкому кругу слушателей. Такого рода тексты получают в процессе бытования и в конкретном сообществе, и за его пределами статус фабулатов – собственно фольклорных текстов. В то же время такой универсальный для всех молодежных объединений жанр как байка (общепринятое среди молодежи определение устных рассказов) явно имеет своим образцом фольклорную быличку (структура и так называемые *commonplace*).

Следует обратить внимание и на своеобразие проявления в молодежных сообществах категории вариативности. Применительно студенческому сообществу и субкультуре толкинистов, например, можно говорить о возникновении вариантов произведений в зависимости от ситуации исполнения. Монолог рассказчика становится проницаемым для различного рода дополнений, уточнений, вводимых посредством реплик или элементов диалога. С каждым актом воспроизведения текст может обрастать новыми подробностями, а структура его при этом остается открытой. Рок-музыканты к данной области относят так называемые «кавер-версии», или варианты произведения, частично, реже полностью, изменяющие его форму, соответственно и смысл.

Для фольклорного текста характерно наличие еще одного важного качества – полифункциональности. В этом отношении имеющиеся в нашей коллекции тексты также соответствуют фольклорной природе, поскольку выполняют комплекс традиционных

функций. Основной из них можно считать коммуникативную: тесты в сообществах создаются прежде всего для реализации целей общения. Следующая по значимости – регулирующая функция – призвана устанавливать и контролировать отношения между членами сообщества. Развлекательная функция тесно связана с игровой и отвечает потребности молодежи в преодолении весьма жестких жизненных установок. Информативная функция выражена незначительно и представляет ценность лишь в контексте приобщения «непосвященных» к таинствам определенной профессии. Кроме того, можно выделить дидактическую (поучительный характер некоторых историй) и эстетическую (комические, иронические либо «фантастические» истории, поражающие воображение) и в некотором отношении ритуально-магическую функции (что в большей степени отвечает назначению нарративов об обрядах посвящения).

Такая важная составляющая картины мира, как лиминальность, также может быть соотнесена и правильно интерпретирована только в контексте традиционной культуры. Методика изучения обрядов посвящения в молодежных сообществах в более широком контексте обрядов перехода (rite de passage) в отечественной фольклористике впервые использовалась Т.Б. Щепанской применительно движению хиппи (Щепанская 2004). Исследовательнице удалось вписать традиционные акции и реалии так называемой Системы в схему обрядов отделения, промежуточных обрядов и обрядов включения. В молодежных сообществах республики Марий Эл некое подобие инициации отмечено в субкультурах байкеров, металлистов и готов с их тенденцией к герметизации и в студенческой среде, сообществе открытом, но зато осведомленном относительно сущности и последовательности отправления подобных обрядов.

Посвящение – самый яркий и потому запоминающийся этап в студенческой жизни. В большом количестве устных рассказов повествуется об основных акциях, персонажах и символике обряда. В зависимости от мастерства рассказчика такие нарративы различаются степенью подробности, количеством деталей, эмоциональностью, «качеством» языка (литературный, разговорный, с использованием обценной лексики и др.). Обращает на себя внимание и тот факт, что обряды, в процессе передачи от одного поколения к другому, существенно меняют свою «семантику»: от своеобразного советского либертинства, духа особой преданности профессии и соответственно дидактизма 1970-х гг. – к мистической окрашенности, спортивной состязательности и развлекательности 1990-х гг.

Наибольший интерес в нашей коллекции представляют рассказы об обрядах посвящения в археологи, популярных среди студентов и выпускников историко-филологического факультета Марийского госуниверситета.

При всем разнообразии конкретных акций к прелиминарным обрядам в широком контексте можно отнести собственно альтернативу участия/неучастия в археологической практике/экспедиции, выбор специального снаряжения (рюкзак, топорик, совковые лопатки, ножи, фонарики и др.), одежды (например, в 1970-е годы – штормовки, клетчатые рубашки, шейные платки, шнурки-хайратники; в 1990-е – стиль «military» - пятнистые куртки и брюки, платки-банданы), формирование особой прически (отращивание длинных волос и бород в 1970-е гг., короткие стрижки – в 1990-е гг.), само существование в условиях полевого быта во время первой недели практики/экспедиции (для «перваков» – это жизнь в палатках, сон в спальном мешке, приобретение навыков работы с лопатой, общение у костра и т.п.; для «старшаков» и «бывалых» – разработка сценария посвящения, собирание и обработка вербального материала «на злобу дня» и оформление его в виде газеты, листка и т.п., изготовление сакрального персонажа и др.). К прелиминарным – собственно посвящение в археологию, включающее акции «вождения» (в рамках высокой терминологии «Тропа Археолога», сниженной – «бродилки»), произнесения клятвы, вручение памятного талисмана. К постпрелиминарным – совместная трапеза у костра с обязательным участием начальника экспедиции и в сопровождении специально приуроченных (в 1970-е гг. – «археологических» песен и баек) или любых (в 1990-е гг., но все-таки по преимуществу походных/туристических песен и рассказов) вербальных текстов.

Подобный обряд заслуживает подробного комментирования – он действительно включает неожиданно архаичные элементы (изнуряющие акции вождения, изменение облика, состояние временной слепоты (завязывание глаз), клеймение («поцелуй лопатой», «печать в лоб»), произнесение клятвы, совместная трапеза и пр.). Детальное описание посвящения в археологию было предпринято А.А.Ситновой [Ситнова 2007, с.275-282]. Здесь остановимся собственно на вербальной составляющей. Главный вербальный компонент подобной инициации – произнесение клятвы/принятие присяги на верность археологии. Это центральный, кульминационный этап в обряде, отделяющий неопитов от посвященных. С данной ситуацией соотносятся и представления о табу на произнесение клятвы вне обряда. Огромная роль в ее создании отводится импровизации. Структура текста варьируется в зависимости от атмосферы экспедиции, людей, принимающих участие в действе, и от творческой фантазии посвящающих. Обязателен только зачин: *«Клянусь боевой подругой-лопатой, соленым потом археолога, мозолями на руках...»* и три мотива: признание посвящаемого в любви к археологии, истории, земле (руководителям важно пробудить в студентах трепетное отношение к земле и к тому, что в ней хранится); обещание слушать старших, т.е. быть одним из звеньев команды, членом

единой системы; пожелание с честью выдержать все тяготы работы и выполнить все моральные заветы. Иногда клятва осмысливается в шуточном контексте.

Ритуальное действие по маркированию нового статуса посвященных (вручение памятного талисмана) сопровождается торжественной речью руководителя экспедиции, призванной сформировать серьезное отношение к происшедшему и оставить эмоциональный след в душах новопосвященных.

Что касается традиций массовой культуры, то они, по преимуществу, находят свое выражение в так называемых «смеховых» текстах. Вообще в молодежной культуре смеховое начало можно считать одним из ее сущностных свойств. Оно, как правило, связано с осознанием молодежью тщетности ее попыток уйти от окружающего мира в иной, альтернативный. Смех появляется и тогда, когда четко просматривается грань между двумя мирами. Так, толкинисты-ролевики открыто называют субкультурную реальность игровой и соответственно тексты рассказов строят вокруг обыгрывания разного рода пограничных явлений. Объектом смеха в них оказываются местные жители, «цивилы», сами игроки, представители официальных структур (милиционеры, проводники, связисты и др.), и даже мастера игр - фигуры культовые в сообществе [Картина 2006, с.106, 108-109]. В байках программистов осмеянию подвергаются профессиональные пользователи компьютерных систем (хакеры, системные администраторы, системные операторы), неопытные пользователи (юзеры, ламеры, чайники), сам компьютер [Рукомойникова 2004, с.106-107].

Смеховой компонент также играет значительную роль и в студенческом сообществе. Он проявляется и на ритуальном (см. обряды посвящения), и на собственно вербальном уровнях. В рамках сообщества обращает на себя внимание широкое бытование комичных случаев, происходящих со студентами во время занятий и в период сессии. Распространенность такого рода текстов объясняется тем, что сами по себе занятия в вузе – дело достаточно ответственное. Изучение любой науки требует вдумчивости, сосредоточенности и серьезности. Для молодых людей, это оказывается по-настоящему сложной задачей, поэтому они искренне радуются любой возможности неформального общения с преподавателями, а также моделирования курьезных ситуаций. Комизм в студенческих байках выполняет функцию антистрессовой разрядки, нейтрализуя целый комплекс противоречий (возрастных, профессиональных, социальных).

В целом массив нарративов собственно смеховой направленности в молодежных сообществах может быть подразделен на тематические группы, но, несмотря на

кажущееся разнообразие, в основе их одни и те же устойчивые, безусловно, эмоционально окрашенные, то есть, **стереотипные представления и серийные персонажи**. Так, например, в студенческих нарративах действуют две категории студентов: те, кто привыкли добросовестно заниматься и получать заслуженные оценки (однако отношение к ним в текстах в лучшем случае снисходительное; на молодежном сленге они – *ботаники, ботаны*), и те, кто привык во всем полагаться на счастливый случай и добиваться желаемого при помощи хитрости, богатого воображения, непоколебимой уверенности в своей человеческой (часто в гендерном аспекте), а отнюдь не профессиональной привлекательности. *Преподы* в личностном плане могут проявлять ум и сообразительность при обнаружении «подвоха» со стороны студента, но чаще проигрывают студентам в смекалке и находчивости.

Ведущим тенденциям массовой литературы и культуры также отвечают и некоторые языковые особенности молодежного творчества. В первую очередь обращает на себя внимание тенденция к обеднению речи. По мнению специалистов в области массовой культуры, снижение качества речевого высказывания является яркой приметой жизни языка в современном обществе и отражается в «интеллектуальном и образном примитивизме, небрежности синтаксического оформления высказывания, косноязычии, подмене чувства ощущением» [Купина, Литовская, Николина 2009, с.71].

«*Бедность речи* – это [действительно] своеобразная визитная карточка молодежной поп-культуры» [Там же, с.68]. К ее проявлениям в субкультурном творчестве можно отнести различного рода нарушения синтаксических норм: «<...>*Мальчишки у нас были как аккомпанемент, с бутылками, с крышками, просто шумели, гремели, как пионеры, с пионерскими галстуками и пели песню*»[ЛААС]; подмену чувств ощущениями (в частности, замену знаменательных слов междометиями и звукоподражательными словами): «*Так тут налетела преподавательница и со всей присущей ей энергией начала объяснять, что делать: «давай, давай, отпускаяй, тыры-пыры»* [ЛААС]; неоправданные однотипные повторы: «<...> *У нас и так-то морды были, боялись очень, а тут еще ее боялись. Конечно же, я к ней попалась. Я просто не могла к ней не попасться!*<...>» [ЛААС].

Наряду с *бедностью речи* характерной чертой массовой литературы является *клишированность*. Речевые стереотипы отражают шаблонность мышления современного человека, формируемую под влиянием масскульта. Так, образный ряд в молодежных рассказах явно отличается недостаточной прорисованностью: действующие лица выписаны в соответствии со сложившимися стереотипными представлениями (см. выше).

Общее снижение качества речевой коммуникации приводит к вульгаризации речи. Это проявляется в таких признаках, как употребление обцензмов, а в большей степени – жаргонизмов: «*М.Н. при мне упал в обморок во время операции. На меня, причем! Я сам офигел*», «*Нужно было дружить с охранником, договориться, тихо себя вести, чтобы никого не пропалили, когда уходит последний препод. И тогда анатомичка твоя. Что бы препараты не пропалили*» [ЛАА].

Обычным явлением в молодежной среде, к сожалению, стала и вербализованная пошлость, реализующая установки на свободу самовыражения и повышенную сексуальность.

Итак, молодежные сообщества прошли уже достаточно длительный период развития, постепенно трансформируясь из «элитарных» сообществ в массовые и приобретая вместе с тем черты массового сознания. При этом разным сторонам мировосприятия молодежных сообществ соответствуют традиции разных типов культуры.

В связи с этим и вербальное творчество, в частности, занимает промежуточное положение между элитарной и массовой культурой. С одной стороны, субкультурные нарративы ориентированы на определенный круг людей и потому в некоторых аспектах могут быть понятны только узкому кругу, в процессе создания текстов их авторы часто прибегают к фольклорной поэтике и эстетике, с другой стороны, в части «прорисовки» персонажей и речевого оформления обычно редко выходят за рамки массовых текстов.

Использованная литература

Зенкин С. Массовая культура – материал для художественного творчества: к проблеме текста в тексте // Популярная литература: опыт культурного мифотворчества в Америке и в России. Материалы V Фулбрайтской гуманитарной летней школы. Москва 30 мая – 8 июня 2002 г. – М., 2003.

Левикова С.И. Молодежная субкультура. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004

Личный архив Анны Ситновой

Картина мира в молодежной культуре Республики Марий Эл / И.М.Абрамзон, А.В.Абукаева, Т.А.Золотова, В.П.Рукомойникова. Йошкар-Ола: Марийский госуниверситет, 2006

Купина Н.А., Николина Н.А., Литовская М.А. Массовая литература сегодня. М.: Флинта: Наука, 2009

Рукомойникова В.П. Виртуальный фольклор: за и против. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского госуниверситета, 2004.

Ситнова, А.А. Обряды посвящения в молодежных сообществах (на материале студенческого фольклора вузов Республики Марий Эл) / А.А. Ситнова // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2007. – №4

Химик В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб.: Фил.Фак. СПбГУ, 2000.

Черняк М.А. Массовая литература XXвека. М.: Флинта: наука, 2007.